

«ЧУК И ГЕК» А. П. ГАЙДАРА
В КОНТЕКСТЕ ДЕТСКОЙ СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.

Филипп Лекманов
(Москва)

Уже современники Гайдара отмечали, что «Чук и Гек» представляет собой типичный образец новой детской литературы. Об этом, например, писал В. О. Перцов в статье «О лучшем», опубликованной в 1939 г., в один год с выходом гайдаровского произведения. Такой подход к рассказу сохранился в работах сервильных литературоведов и позднее: «Вышедший из-под пера художника социалистического реализма рассказ “Чук и Гек” глубоко партийен» [Червяковский: 57], — констатировал А. С. Червяковский.

Тем не менее, до сих пор никто не пытался рассмотреть рассказ «Чук и Гек» в контексте детской советской литературы второй половины 1930-х гг. (далее — ДСЛ). Мы попробуем обнаружить общие для ДСЛ и «Чука и Гека» схемы, описать механизм и прагматику их деформации в тексте Гайдара.

К изучению советской литературы (особенно «сталинского» периода) как целостной системы подталкивает общесоветская установка на создание единой культуры, подчиненной идеологии. Отражение этой тенденции мы находим, в частности, в докладе С. Я. Маршака, сделанном на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г.: «<Дети э>то — люди, которым предстоит много сделать и которых для этого надо хорошо подготовить» [Маршак 1971а: 200].

Действительно, первостепенной задачей ДСЛ стала выработка новой ролевой модели для ребенка. В середине 1930-х гг. формируется несколько таких образцов. Среди наиболее часто встречающихся — герой-летчик, герой-краснофлотец, герой-красноармеец и герой-путешественник.

Ролевая модель советского путешественника-исследователя была персонифицирована в образе Ивана Дмитриевича Папанина. В 1938 г. выходит его книга «Жизнь на Льдине» [Папанин 1938],

а через год — «На Полюсе» [Папанин 1939], в рецензии на которую Маршак отмечал:

Миллионы ребят в нашей стране давно уже играют в Папанина и папанинцев. Но, прочитав все то, о чем им рассказал «хозяин Северного полюса», они захотят стать настоящими папанинцами и поймут, что для них от этого требуется. Книга адресована будущим героям [Маршак 1971б: 304].

Путешественник-геолог, напротив, образ максимально обобщенный — это один из множества «винтиков» советской машины. К примеру, главный герой-геолог из рассказа «Приключения в тайге» М. Борониной [Боронина] вообще не имеет имени. Удивительным образом геологом, по заданию партии, легко и без особой подготовки может стать любой советский юноша, например, студент-комсомолец Петя из повести М. Кравкова «Золотая гора» [Кравков].

В символикe, разрабатывавшейся ДСЛ, образ краснофлотца равно как и образ красноармейца тесно связаны с мотивом защиты границ, причем от самых разных врагов. Так, в книге И. Войтюка «Витя идет в плавание» моряки-краснофлотцы видят странное бревно, плывущее поперек течения. Они посылают к нему катер и обнаруживают за бревном четверых преступников: «Трое из них оказались русскими белогвардейцами, четвертый — корейцем» [Войтюк: 18]. При этом детям может быть не до конца понятно, кто такие краснофлотцы и чем они занимаются. Вот что отвечает типовой советский подросток на вопрос корреспондента журнала «Пионер»: «Ну, и что же вы, стало быть, тоже в матросы захотели?» «Ну да, — ответил Миша, — чтобы ездить на кораблях, чтобы носить наган, клеш, синий воротник с полосками и... вообще...» [Пионер 1934: 10].

Наряду с героем-краснофлотцем герой-красноармеец, в первую очередь, пограничник — один из наиболее частотных образов ДСЛ. Вызвано это тем, что советская идеология второй половины 1930-х гг. старательно культивировала образ внешнего врага, «угрожающего» границам родины. Выразительную ремарку обнаруживаем, например, в пьесе Л. Лебедевой «Дети-Герои»: «Разыгрывается сцена на границе. Дети задерживают диверсанта. Сюжет для сцены можно взять из газеты “Пионерская правда”, из журнала “Пионер”, из журнала “Затейник” № 8 — 37 г.» [Лебеде-

ва: 6]. Причем образцами для подражания являются, в первую очередь, рядовые солдаты Красной Армии, а не Ворошилов. В символике детской советской литературы его фигура выполняет ту же функцию, что и фигура Сталина: вожди предстают сверхлюдьми, мифическими всевидящими полубогами. Яркое подтверждение мы находим в песне старика-нанайца из книжки В. Войтюка «Витя идет в плавание»:

У Ленина есть помощник, похожий на орла и такой же мудрый, как его учитель. Этот помощник и друг Ленина — Сталин. Сталин охраняет нанайцев от врагов, учит их детей. Он все видит и все знает, что было раньше и что будет вперед на многие тысячи лет. Вот почему нанайцы такой счастливый народ [Войтюк: 50].

Образы партийных деятелей стремительно обрастают мифологией, так что боцман из той же книги 1939 г. «Витя идет в плавание» рассказывает историю, «как Климент Ефремович Ворошилов самолично голыми руками поймал максуна <рыбу. — Ф. Л.> на палубе “Смелого”» [Там же: 27].

Корни всеобщего литературного увлечения военной тематикой обнаруживаются в реальности. В № 21 «Пионера» за 1935 г. находим весьма показательный пример: «Могут ли четырнадцатилетние ребята устоять против роты настоящих взрослых солдат или не могут?», — задает в письме вопрос Витя Прилуцкий. «Не только могут, но рота 14 летних ребят может устоять против трех рот и даже целого батальона», — отвечает ему командир дивизии В. В. Хлебников [Пионер 1935: 24].

Такая военизированность детского сознания, соединяющаяся с постоянным ощущением опасности, — один из наиболее устойчивых мотивов ДСЛ.

Несмотря на то, что пограничники надежно охраняют СССР от врага, мысль о внешней и внутренней угрозе преследует детей-персонажей ДСЛ неотступно. Видимо, именно этим обусловлена, например, следующая цепочка мыслей Шуры, героя повести А. Киселевой «Алтайские робинзонь»:

Ведь он может найти такой металл, который еще никем не открыт. В Алтайских горах непременно есть такой металл. Может быть, он будет обладать свойством собирать солнечную энергию, направлять ее по прямой линии и воспламенять предметы на расстоянии. <...> Затем он придумает аппарат, в камеру которого будет вставляться

найденный металл. Этот аппарат особенно пригодится в военном деле. Вот он, Шура, стоит на этой горе, а на той горе неприятельские войска [Киселева: 5].

Как это ни странно, представление о «внутреннем враге» в ДСЛ — менее определенное, чем о внешнем. Поступки таких «вредителей» не нуждаются в рациональной мотивации. Показателен сюжет пьесы Ф. Ильинского «По подложному следу», состоящий в том, что «сын бывшего помещика, перешел границу с вредительскими намерениями» [Ильинский] и зачем-то попытался отравить всех коров колхоза. Писатели смело составляют коллективный портрет многочисленных врагов Советского Союза. Так, например, происходит с «белогвардейцами» и «корейцем» в уже цитировавшемся выше фрагменте книжки «Витя идет в плавание».

Теперь рассмотрим, как выделенные нами общие места детской советской литературы трансформируются в «Чуке и Геке».

Нетрудно заметить, что в тексте сохранены некоторые обязательные для детской советской книжки этого времени образы и мотивы. Так, в рассказе появляются два героя, входящих в составленный нами реестр идеальных образцов для советского ребенка. Это отец-геолог, с упоминания о котором «Чук и Гек» начинается, и безымянный «командир бронепоезда», чьим портретом рассказ завершается. Образ этого эпизодического, но важного персонажа оказывается связан с мотивом «внешней угрозы», и столь же естественно с фигурой Ворошилова: «командир, <...> стоит и ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против врагов бой» [Гайдар: 188].

Однако один из центральных для ДСЛ мотивов — мотив внутреннего врага в тексте отсутствует. Мотив же внешней военной угрозы выражен не так подробно, как в типовом тексте ДСЛ. Фигура наркома обороны описана чрезвычайно лаконично, а Сталин, появляющийся или упоминающийся почти в каждом произведении ДСЛ, у Гайдара не возникает ни разу.

Несомненно, в рассказе важную роль играет военная тема, но и она создается не самыми традиционными для ДСЛ средствами. Сначала вторжение военной атмосферы в советскую идиллию почти незаметно, и только затем она нагнетается и постепенно усиливается, становясь все более очевидной. Вот цитата из нача-

ла рассказа: «<...> у Чука с Геком был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались» [Гайдар: 181]. Видимо, «бой» — это слово, которым воспользовались бы при описании своей потасовки сами Чук и Гек, так что повествователю даже приходится скорректировать эту проекцию детской драки на настоящее сражение. Впрочем, описания постоянных перепалок героев не единственный прием, с помощью которого подспудно поддерживается мотив вторжения военного начала в мирную жизнь: «У запасливого Чука была металлическая коробочка, в которой он хранил <...> конфетные обертки (если там был нарисован *танк, самолет или красноармеец* <курсив наш. — Ф. Л.>)» [Там же: 183].

Но и здесь Гайдар ошутимо смягчает жесткость схемы ДСЛ. Даже ключевой для рассказа символ властного вторжения военного начала в мирную жизнь — бронепоезд — Гек видит из окна вагона, наряду с многими другими вызывающими у него интерес реалиями: «Да, немало всякого они за дорогу повидали» [Там же: 188].

В рассказе есть один резко выделяющийся стихотворный эпизод, в котором предчувствие будущей и неизбежной войны отчетливо вторгается в идиллию. Это второй сон Гека:

Приснился Геку странный сон!
Как будто страшный Турворон
Плюет слюной, как кипятком,
Грозит железным кулаком.
Кругом пожар! В снегу следы!
Идут солдатские ряды.
И волокут из дальних мест
Кривой фашистский флаг и крест [Там же: 191].

Это единственный фрагмент рассказа, в котором прямо упоминаются фашисты. Но весьма характерно, что ощущение неизбежности надвигающейся войны оказывается вытесненным в сферу подсознания и соединяется со сказочным образом Турворона. Причем Гек сам становится активным участником сражения:

В гневе тогда выхватил Гек жестяную сигнальную дуду <...> и загудел так громко, что быстро поднял голову задумчивый командир, властно махнул рукой — и разом ударили залпом его тяжелые и грозные орудия [Там же].

Напряженность несколько снимается в финальном пассаже рассказа, в котором вновь появляется командир бронепоезда, охраняющий СССР и готовый «открыть против врагов бой». Сильно смягчаются военные мотивы в «Чуке и Геке» сказочной образностью, а также языком сказки, к которому Гайдар демонстративно прибегает уже в зачине рассказа: «Жил человек в лесу возле Синих гор» [Гайдар: 180]. Удача Гайдара на этом пути особенно выделяется на фоне менее успешных попыток других детских советских писателей, пытавшихся соединить сказку с реальностью. Так, в пьесе П. Штатнова «В тайге» «лиса» и «волк» хотят погубить добрую героиню, «зайчик», пытаясь этому помешать, зовет на помощь Деда-Мороза. Однако в традиционный сказочный сюжет внезапно и не совсем уместно вторгаются реалии из советской действительности: «добрая героиня» пьесы оказывается отнюдь не Машей из русской народной сказки, а летчицей Марией Расковой, фоном пьесы является ее полет по маршруту Москва — Керби и крушение самолета в тайге.

Ненавязчивость и деликатность, сопутствующие решению в рассказе Гайдара идеологической задачи, — черты совершенно несвойственные типичному тексту ДСЛ второй половины 1930-х гг. Главный прием, с помощью которого это достигается, — снижение возраста гайдаровских героев. Чук и Гек — дошкольники (они даже не умеют читать), тогда как «средний возраст» героя-ребенка в ДСЛ около 12 лет. Так что ни Чук, ни Гек не являются выразителями советских идей и установок — идеологический посыл текста вычитывается преимущественно из внешних деталей или фрагментов рассказа, отражающих точку зрения повествователя, а не из диалогов героев. Благодаря этому мир, описываемый в рассказе, становится идиллическим и уютным, что было совершенно нетипично для ДСЛ.

Таким образом, Гайдару удается создать текст, вписывающийся в рамки ДСЛ, и вместе с тем выгодно отличающийся от тех типичных для детской советской литературы текстов, по поводу которых Маршак на Первом Всесоюзном Съезде советских писателей высказался следующим образом: «К <...> читателю нельзя идти <...> с бездушными готовыми схемами» [Маршак 1971а: 210].

Эту бездушность «готовых схем» Гайдар успешно преодолел в своем рассказе.

ЛИТЕРАТУРА

- Боронина: *Боронина М.* Рассказы о смелых. М.; Л., 1939.
- Войтюк: *Войтюк И.* Витя идет в плавание. Хабаровск, 1939.
- Гайдар: *Гайдар А. П.* Чук и Гек // Гайдар А. П. Собр. соч.: В 4 т. М., 1980. Т. 2. С. 180–205.
- Ильинский: *Ильинский Ф., Леонов М.* По медвежьему следу: Пьеса для детского театра в двух актах, в четырех картинах. М., 1939.
- Киселева: *Киселева А.* Алтайские робинзоны. Новосибирск, 1939.
- Кравков: *Кравков М. А.* Золотая Гора. Повесть для детей старшего возраста. Новосибирск, 1934.
- Лебедева: *Лебедева Л.* Дети-герои: Инсценировка. М., 1938.
- Маршак 1971а: *Маршак С.* О большой литературе для маленьких // Маршак С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1971. Т. 6. С. 195–243.
- Маршак 1971б: *Маршак С.* Будущим героям // Маршак С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1971. Т. 6. С. 300–303.
- Папанин 1938: *Папанин И. Д.* Жизнь на льдине. М., 1938.
- Папанин 1939: *Папанин И. Д.* На полюсе. М.; Л., 1939.
- Пионер 1934: Пионер. 1934. № 1 (январь).
- Пионер 1935: Пионер. 1935. № 21 (ноябрь).
- Рагозин 1939 июль: *Рагозин А.* Повести Гайдара // Литературная Газета. 1939. № 40 (20 июля). С. 4.
- Червяковский: *Червяковский С. А.* Рассказ А. П. Гайдара «Чук и Гек»: Идеино-стилистический анализ // Творчество А. П. Гайдара. Горький, 1976 (= Ученые записки Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького. Вып. 111). С. 44–58.